

А. А. Плешков

<https://orcid.org/0000-0003-1327-568X>

✉ aleksei.pleshkov@ulb.be

✉ sheginoid@gmail.com

Брюссельский свободный университет
(Université libre de Bruxelles) (Бельгия, Брюссель)

ИСТОРИЧЕСКАЯ АРЕТОЛОГИЯ НАУКИ: ХЕРМАН ПОЛ О НАУЧНЫХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ И ЦЕННОСТНЫХ ГОРИЗОНТАХ ИСТОРИКОВ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Рецензия на: Paul H. *Historians' virtues: From Antiquity to the twenty-first century*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. (Cambridge Elements: Historical Theory and Practice). 66 pp. <https://doi.org/10.1017/9781108993067>.

Для цитирования: Плешков А. А. Историческая аретология науки: Херман Пол о научных добродетелях и ценностных горизонтах историков от античности до наших дней // Шаги / Steps. Т. 11. № 2. 2025. С. 347–364. EDN: ZNGCCY.

Поступило 7 августа 2024 г.; принято 2 мая 2025 г.

Shagi / Steps. Vol. 11. No. 2. 2025

Book Reviews

A. A. Pleshkov

<https://orcid.org/0000-0003-1327-568X>

✉ aleksei.pleshkov@ulb.be

✉ sheginoid@gmail.com

Free University of Brussels (ULB) (Belgium, Brussels)

HISTORICAL ARETOLOGY OF SCIENCE: HERMAN PAUL ON SCHOLARLY VIRTUES AND VALUE HORIZONS OF HISTORIANS FROM ANTIQUITY TO THE PRESENT DAY

A review of: Paul, H. (2022). *Historians' virtues: From Antiquity to the twenty-first century*. Cambridge Univ. Press. 66 pp. <https://doi.org/10.1017/9781108993067>.

To cite this review: Pleshkov, A. A. (2025). Historical aretology of science: Herman Paul on scholarly virtues and value horizons of historians from Antiquity to the present day. *Shagi / Steps*, 11(2), 347–364. EDN: ZNGCCY. (In Russian).

Received August 4, 2024; accepted May 2, 2025

Рецензируемая книга Хермана Пола «Добродетели историков: от античности до XXI в.», вышедшая в серии «Основы исторической теории и практики» авторитетного издательства Кембриджского университета, представляет собой интеллектуально щедрое и одновременно компактное, доступное для широкой аудитории и вместе с тем стимулирующее к профессиональному размышлению введение в изучение научных добродетелей. Эта исследовательская область — я предлагаю называть ее исторической аретологией науки¹ — стремительно развивается с начала XXI в., вписываясь в контекст ревизионистской историографии науки. Херман Пол, нидерландский специалист по историографии и по интеллектуальной истории XIX в., может быть назван одним из отцов-основателей направления, а его вклад в развитие исторической аретологии представляется наиболее систематическим и значительным. В своих статьях и книгах последних 10–15 лет², а также в реализованных на базе Лейденского университета проектах³ Пол испытывает эвристический потенциал теории добродетели применительно к истории гуманитарной науки, а также обустривает общую теоретическую рамку своего проекта с помощью понятий научных (scholarly) добродетелей (virtues), пороков (vices), научной самости (scholarly persona).

В центре внимания книги — понятие добродетелей историков. Концептуально Пол понимает добродетель в аристотелевском неморализаторском смысле: как рефлексивную и устойчивую черту характера, позволяющую ее носителю чувствовать себя и действовать хорошо, правильно. Правильность в этом контексте отсылает не столько к моральному содер-

¹ Использование термина *историческая аретология науки* прежде всего позволяет не смешивать проект исторического изучения научных добродетелей с эпистемологией добродетелей (virtue epistemology) — одним из важнейших направлений развития аналитической эпистемологии последних десятилетий [Касавин 2019]. Несмотря на общий интерес к добродетелям в процессе познания, эти два направления имеют не так много общего: если первое интересуется «научные добродетели» в контексте появления и развития институционализированных форм знания (научных школ, дисциплин, образовательных и научных институций), то второе — «эпистемические добродетели», обеспечивающие достижение конкретных эпистемических целей (познание, понимание, объяснение и пр.). Кроме того, два эти направления демонстрируют показательную незаинтересованность друг в друге. Так, в «Объективности» Лорейн Дастон и Питера Галисона [Дастон, Галисон 2018] — одной из первых и наиболее влиятельных работ по исторической аретологии науки — «классики» эпистемологии добродетелей не упоминаются, несмотря на то что авторы описывают свой предмет как «эпистемические», а не «научные» добродетели. Но и эпистемологов добродетелей мало интересуют наработки исторического изучения добродетелей. Так, в статье «Эпистемология добродетелей» Стэнфордской философской энциклопедии нет ссылок ни на работы по объективности Дастон и Галисона, ни на более новые работы, выполненные в рамках этого направления [Turri et al. 2021]. Этот разрыв, во многом обусловленный дисциплинарным шовинизмом историков и философов, с недавних пор предметно обсуждается и критикуется (см., например: [Verburgt 2023]). В любом случае возможный синтез требует внимательного аналитического разграничения исходных проектов.

² См. полный список работ Пола (URL: <https://www.universiteitleiden.nl/en/staffmembers/herman-paul/publications#tab-4>).

³ См. сайт текущего проекта «Ученые пороки: история longue durée» (Scholarly Vices: A Longue Durée History) (URL: <https://www.virtuesandvices.nl/>).

жанию, сколько к успешности поступка, к достижению предполагаемых целей действия, так же как и греческое *ἀρετή* в исходном смысле предполагает добротность, слаженность, годность чего-либо, выраженные в успешном выполнении своей функции [Гайденок и др. 2008: 145–148]. Научные добродетели, как отмечает Пол, отличаются и от технических навыков, например знания иностранных языков, и от когнитивных способностей, например хорошей памяти (р. 3; ср. [Paul 2014]). Историк античности может сменить исследовательскую область и продолжить работу, не используя знания древнегреческого; со временем его память может ухудшиться, но от этого он не перестает быть исследователем. Обладать добродетелью — значит быть определенным образом, или, как пишет Пол в контексте истории историографии, «Честность, аккуратность, добросовестность и тому подобное являются чертами характера, потому что они описывают характерные для историков способы думать, говорить, учить или писать. Эти качества не случайны, а устойчивы, они укоренены в личности их обладателей до такой степени, что становятся почти второй природой» (р. 3; разрядка моя).

Хотя добродетели составляют устойчивое ядро самости ученого⁴, они не рассматриваются в духе лавджоевских аисторических идей-единиц: добродетели возникают, изменяются и исчезают. Разное видение целей исторического исследования, например легитимация позиций правящей элиты или описание прошлого «как оно было на самом деле», а также бытование практик производства исторического знания, таких как исследовательский семинар или написание монографии, задают контекст, в котором культивируются разные констелляции добродетелей (р. 15). Тем не менее Пол не стремится к абсолютной релятивизации добродетелей историков и предлагает рассматривать их в едином горизонте, используя метод «серийной контекстуализации» (р. 6). Этот метод, предложенный Дэвидом Армитиджем, предполагает «реконструкцию последовательности различных контекстов, в которых идентифицируемые агенты стратегически использовали существующие языки для достижения определенных целей, таких как легитимация и делегитимация, убеждение и разубеждение, достижение консенсуса и радикальные инновации» [Armitage 2012: 498].

Метод серийной контекстуализации позволяет Полу работать с категориально разным пониманием добродетели. Во-первых, речь может идти об эксплицитных высказываниях о добродетели в текстах историков, прежде всего XVIII–XIX вв., таких как Эдвард Гиббон или Теодор Момзен. Во-вторых, об имплицитных описаниях добродетелей, скрывающихся за «качествами» или «научным темпераментом» автора, «ментальными привычками» или «складом ума» исследователя. Отсутствие специфической риторики добродетели для описания работы историков характерно для античности, где слова *ἀρετή* или *virtus* обычно «заяты» для описания государственных деятелей или воинов, так же как и

⁴ Помимо статей Пола, посвященных «scholarly persona» и обсуждения «scientific self» в упомянутой «Объективности» Дастон и Галисона, см. также: [Daston, Sibum 2003].

для первой половины XX в., когда слово «добродетель», по остроумному замечанию Поля Валери, умерло (р. 43). Наконец, в-третьих, добродетель используется как аналитический инструмент, с помощью которого обсуждаются характерные паттерны исследовательской работы конкретных авторов или даже «моральная экономия» (*moral economy*) исторической науки определенных периодов. Такое тройное понимание добродетелей можно проиллюстрировать на материале рецензий в советской исторической периодике 1930–1950-х годов: высказывания наподобие «ученый-большевик призван оценивать объективно» подразумевают достаточно строгое следование марксистско-ленинской ортодоксии, что, в свою очередь, говорит о принципиальном значении лояльности [Матвеев 2020]. Таким образом, зазор между декларируемой ценностью (объективность), ее понятийным содержанием (следование ортодоксии) и культивируемой добродетелью (лояльность) может быть весьма значительным, следовательно, расширительное понимание добродетели создает очевидную теоретическую трудность.

Это замечает и сам Пол, когда пишет о необходимости отграничения своего проекта как от истории понятий (*Begriffsgeschichte*), так и от историографии научных идеалов (с некоторыми оговорками — *Ideengeschichte*) (р. 7). Тем не менее это разграничение он готов игнорировать, отмечая в частности, что «немногие ученые в этой области пытаются провести четкие терминологические различия <...> историки историографии обычно предпочитают сохранять свои категории гибкими и адаптируемыми к различным историческим условиям» (р. 3–4). Очевидно, что цель книги Пола — сохранить как можно больше возможных «точек входа» в историческую аретологию для исследователей разных эпох и интеллектуальных культур. Однако, на мой взгляд, книга демонстрирует, что теоретическая гибкость как добродетель может быть истолкована и как порок теоретической неразборчивости, угрожающий всему предприятию исторического изучения научных добродетелей.

Эта проблема отчетливо проявляется в первых двух главах книги, «Характеристорика: почему важны добродетели» и «Какие добродетели? Какие цели? Почему историки расходятся во мнениях?», где Пол обсуждает добродетели древнегреческих и древнеримских историков, китайскую историографию имперского периода, наконец, средневековую церковную историю. Так, основная часть книги начинается с рассмотрения идеализированных представлений античных авторов о необходимых качествах историка (Лукиан, Фукидид), а также анализа критики их «коллег» за наличие исследовательских пороков (Полибий vs Тимей, Плутарх vs Геродот). Пол реконструирует следующий список характерных для античной историографии добродетелей: смелость, правдивость, непредвзятость, прямолинейность, лояльность (р. 9)⁵.

⁵ Пол ссылается на работу Александра Мейса [Meeus 2020], предложившего наиболее детализированный список добродетелей античной историографии: беспристрастность, правдивость, зеркальность (*mimesis / mirroring reality* — т. е. способность выстраивать нарратив, максимально придерживаясь фактуры, но, в отличие от более знакомой «объективности», не требующей исключения субъектности автора), точность, пытливость или любопытство, скрупулезность, трудолюбие, осторожность и логичность в рассуждении, опытность, приверженность традиции.

Тем не менее подход Пола здесь соответствует двум направлениям интеллектуальной истории, от которых он во введении пытается отграничить свой проект, — историографии научных идеалов и истории понятий. Следуя за древними авторами в их описании вожеленных добродетелей и обличаемых пороков, Пол получает ценностный горизонт античной историографии, который лишь отчасти «заземляется», т. е. возвращается из царства ценностей в реальность работы историка, с помощью характерных методов истории понятий⁶.

Зазор между декларируемыми ценностями и практикуемыми добродетелями можно проиллюстрировать критикой Геродота Плутархом. Так, в сочинении «О злокозненности Геродота» Плутарх обличает «личную злобу и нерасположение», «клевету», неразборчивость Геродота (865b; 868c) (здесь и далее цит. по: [Аристотель 1983]). Соответственно, можно обоснованно предположить, что желаемыми добродетелями для Плутарха оказываются непредвзятость, правдивость, аккуратность, что вполне соответствует упомянутому списку добродетелей античной историографии. Чтобы связать декларируемые ценности и добродетели исследуемого автора, Пол ссылается на распространенное античное убеждение, что «речь — зеркало ума» (*oratio speculum mentis*), в данном контексте подразумевая, что текст отражает ум или характер его автора (р. 8, 9, 14). С одной стороны, этот принцип заложен в самом основании исторической аретологии, ведь, как справедливо замечает Пол в заключении своей книги, «...если добродетели — это черты характера, то они проявляются во всем, что делают историки» (р. 53). Но, с другой стороны, это не означает, что слова о добродетели равнозначны делам историков. Текст отражает характер автора, потому что автор не просто использует те или иные слова, но «совершает действия при помощи слов» (см.: [Austin 1962])⁷.

Очевидно, что в труде «О злокозненности Геродота» Плутарх культивирует добродетели, ускользающие от историко-понятийного анализа и историографии научных идеалов: острословие, соревновательность, избирательное чтение, так или иначе подчиненные его представлениям о политической лояльности. Подобная констелляция добродетелей выглядит странной для историков позднейших эпох. Неслучайно аутентичность текста неоднократно оспаривалась, в том числе из-за уверенности, что Плутарх был «добрым и беззлобным мыслителем, неспособным на столь враждебную критику» [Hershbell 1993: 143]. Тем не менее, если цель античных историков — борьба с уничтожающим память временем [Momigliano 1966], а главная награда — неувядающая слава, для обычных людей связанная с

⁶ Синхронный анализ дополняется диахронным, семасиологический — ономасиологическим, вполне в духе историографической истории понятий Козеллека [Koselleck 1989; Бедерек 2010].

⁷ Здесь проявляется сходство исторической аретологии с еще одним проектом истории понятий — проектом Квентина Скиннера. Перформативное измерение языка и теория речевых актов играет важную роль в его теоретико-методологической программе (см., например: [Скиннер 2018] и другие статьи сборника, в котором опубликована данная статья).

политической принадлежностью [Bakker 2002], то указанные «агональные» добродетели перестают выглядеть странными. Для позднейших историков текст Плутарха сохраняет значение во многом благодаря его добродетелям пытливости, любопытства, скрупулезности, трудолюбия⁸. Но этот список будет неполным для понимания «научной самости» Плутарха, активно вовлеченного в борьбу между разными типами мудрости.

Собственно, расхождение исторической аретологии науки с историко-понятийно информированной историографией научных идеалов связано не только с важностью методического разграничения «слов и дел», но и с институциональным контекстом. Пол отмечает, что изучает добродетели прежде всего как дискурс (р. 6), но сами по себе тексты — это еще не дискурс: они должны быть вписаны в релевантные устойчивые практики и / или институциональный контекст. Приводимые Полом кейсы из китайской историографии и средневековой церковной истории демонстрируют, что вписывание текста даже в жанровый контекст (а жанр работает именно как институт, задавая «горизонт ожидания» для читателей и «модель письма» для авторов [Todorov 1976: 163]) значительно уточняют аретологическое исследование. Так, ценностные горизонты историографического подхода Сыма Цяня и одного из наиболее влиятельных и известных его критиков, Бань Гу, в целом совпадают: приверженность традиции и следование Конфуцию, внимательность к деталям и трудолюбие. Тем не менее, «в отличие от крайне синкретичных и личных интерпретаций Сыма Цяня, которые способствовали его открытому одобрению политики невмешательства первых ханьских правителей и его скрытой критике авторитаризма императора У-ди, Бань Гу преследовал одну первостепенную цель: легитимировать положение династии Хань в истории» (р. 17). Соответственно, «истории» двух авторов принадлежат разным жанрам, и, хотя эти историки эксплицитно разделяют ключевые историографические ценности, практикуемые ими добродетели принципиально различаются. И наоборот, безусловная политическая лояльность Бань Гу как системообразующая добродетель порождает иной жанр исторического текста [Ng, Wang 2005: 67–76], чем констелляция добродетелей «аналитического энциклопедизма», характерная для Сыма Цяня (53–67). Общая институциональная рамка придворной истории позволяет сравнивать эти добродетели. Связать эти констелляции с характерными добродетелями античной или нововременной историографии уже намного сложнее: до-

⁸ Ср. высказывания об этой работе Фридриха Генриха Якоби: «...благородно-романтические фразы и полное непонимание задач политической истории вызывали бы в нас только чувство досады, если бы это сочинение не сохранило столько ценного материала, заимствованного из более древней полемики <...> Плутарх сознательно проповедует крайнее извращение фактов in majore patriae gloriam» — или Луи Виктора Амеде Оветта: «Тенденция и идея этого произведения: все прекрасно в истории великой победоносной борьбы греков против персов. Наследием великих предков являются только великие подвиги благородства <...> Тем не менее, сочинение Плутарха содержит рассуждения и факты, имеющие значительную ценность сами по себе и заслуживающие того, чтобы к ним отнеслись со вниманием, чем бы ни было вызвано их появление в труде Плутарха» (цит. по: [Лурье 1947: 154–155]).

бродетели не просто проявлялись в разных жанрах исторического письма, но и культивировались в несопоставимых институциональных контекстах производства знания.

Пол и сам чувствует эту проблему. В следующей, третьей главе книги — «Дискурс встречается с практикой: добродетели как критерий качества деятельности» — автор обращает внимание на зазор между декларируемыми ценностями и практикуемыми добродетелями: «До сих пор мы видели, как историки используют категории добродетели и порока в основном для артикуляции историографических идеалов <...> эти суждения отражали взгляды историков на то, что историки должны делать *в идеале* (здесь и далее — курсив оригинала. — А. П.), а не то, как они *в действительности* ведут себя при изучении прошлого. Это поднимает вопрос о том, как язык добродетели историков относится к каждодневным реальностям собирания источников, составления заметок или преподавания в классе» (р. 24). Пол видит возможность подобного изучения через анализ текстов и авторских заметок с целью выявления устойчивых черт характера авторов. Очевидно, это непростая задача: «Хотя у нас нет недостатка в источниках, информирующих нас о *языке* добродетелей историков, эти источники не предлагают прозрачного видения того, как историки *практикуют* добродетели» (р. 23).

Рассматриваемый в третьей главе кейс французского историка и эрудита Луи-Себастьяна ле Нэн де Тиллемона лучше иллюстрирует именно эту сложность, а не переход от исследования историографических идеалов к добродетелям. Большую часть главы Пол продолжает заниматься аксиологией исторического исследования. Анализируя фронтиспис книги Жана Мабильона, к кругу которого принадлежал Тиллемон (р. 25–27), посмертно опубликованный текст самого Тиллемона «Качества, необходимые историку, пишущему жития святых» (р. 29–30), а также биографию Тиллемона, написанную его учеником и коллегой Мишелем Тронше (р. 30), Пол реконструирует идеализированный образ историка XVII в. Так, историк в большей степени — это добросовестный исследователь, трудолюбиво штудирующий древние тома и свитки, а не остроумный писатель, развлекающий широкую публику. Сам Тиллемон пишет о ключевом значении скромности и смирения (*humilité*) для историка, при этом Пол замечает, что эта категория в рассматриваемый период характеризует прежде всего отношение человека к Богу, соответственно, смирение чаще всего невидимо внешнему наблюдателю. Тем не менее Тронше подтверждает, что для патрона было характерно «сердечное смирение», ведь Тиллемон открыто предостерегал историка от тщеславия, он подписал первый том «Истории» лишь инициалами и отказался читать хвалебную рецензию на свою работу (хотя сам Пол замечает, что биография Тронше написана в жанре агиографии, где «научная святость» Тиллемона изображается пропорциональной предмету его исследований). Таким образом, для Тиллемона ключевыми ценностями исторического труда оказываются исследовательская добросовестность, внимательное отношение к фак-

там, критичность и смиренность. Но говорит ли это что-то о его добродетелях? Пол признает, что весь этот материал — не проблеск реальных практик, дела историка, скрытого за текстами и словами историка, но именно представления об идеализированном образе историка и ценностном горизонте исследовательской деятельности (р. 30).

Анализ «Мемуаров о церковной истории» Тиллемона позволяет Полу сделать вывод, что внимательность, аккуратность и трудолюбие являются не только ценностью, но и добродетелями автора: он обстоятельно проговаривает вопросы об атрибуции исследуемых текстов, стремится подтвердить свои тезисы обращением к другим источникам, тщательно сопровождает цитаты ссылками с номерами томов и страниц. При этом, как отмечает Пол, беспристрастность не является добродетелью Тиллемона, так же как не является его сильным качеством и умение выстраивать нарратив. Например, Тиллемон называет Ария «орудием дьявола», используемым для ослабления Церкви Христовой, а еще имеет привычку приводить обширные цитаты из источников, не пытаясь встроить их в собственное повествование (р. 28). Обращение к исследовательским заметкам Тиллемона, хранящимся в Национальной библиотеке Франции, демонстрирует колоссальный объем чтения, стоящий за трудами Тиллемона, что свидетельствует о стремлении историка оставаться как можно ближе к своим источникам, его трудолюбию, аккуратности, внимательности⁹. Стоит признать, что полученный результат выглядит скромным: *close reading* текстов, включая трудоемкую работу с заметками Тиллемона, позволяет сделать вывод о важности для историка XVII в. упомянутых добродетелей.

Только после этого Пол предлагает обратиться не просто к авторским текстам, из которых можно «вытащить» либо крупинцы практикуемых добродетелей, либо декларируемые ценности, но к тому, что он удачно называет контактными зонами (р. 8, 25, 30, 53) дискурса и практики историков. Прежде всего к этим контактными зонам относятся оценочные жанры академического письма: книжные рецензии, рекомендательные письма. Но этот список может быть расширен: исследовательские семинары (пусть доступ к этой практике возможен только через тексты), учебники и пособия по методам исторического исследования, современные практики *peer review*, наконец, кодексы корпоративной этики исторических ассоциаций. Контактные зоны, как уточняет Пол, — это «пространства, где язык добродетели встречается с повседневной реальностью историков, читающих источники, выдвигающих аргументы и выстраивающих сюжетные линии» (р. 30). Только здесь, строго говоря, Пол начинает свою историческую аретологию науки.

⁹ Эдвард Гиббон остроумно охарактеризовал Тиллемона следующим образом: «терпеливый и твердо ступающий альпийский мул», способный оказать помощь «на скользких тропках» истории более литературно одаренным авторам (р. 28). Кажется, что острословие — одна из самых живучих добродетелей историков.

Пол следует проверенным для исторической аретологии путем и обращается к рассмотрению книжных рецензий¹⁰. Фокус все еще остается на конкретном авторе — Тиллемоне, но работа автора становится более «дальней»¹¹. Анализируя рецензии на разные тома «Мемуаров» с 1690 по 1738 г., Пол демонстрирует, как в конкретной практике научного рецензирования тематизируются и закрепляются исследовательские добродетели. Конstellляция добродетелей точности (внимательность, аккуратность, скрупулезность) обретает здесь конкретное содержание: рецензенты хвалят Тиллемона за то, как он взвешивает и анализирует порой противоречивые источники, предельно аккуратно разграничивает оригинальные тексты от более поздних интерполяций, а достоверные свидетельства — от необоснованных рассказов. Здесь же становится видно, как добродетель «смирения», вопреки историко-понятийной особости французского *humilité*, гармонично вписывается в указанную конstellляцию добродетелей: рецензенты замечают, что смирение Тиллемона обнаруживается, страница за страницей, в его сдержанности в вопросах датировок и осторожности в выводах при отсутствии убедительных доказательств (р. 31).

Пол, тем не менее, замечает: мы не можем говорить о том, что Тиллемон действительно обладал этими добродетелями, но лишь о том, что рецензенты воспринимали его как обладающего ими (р. 31–32). Но именно здесь, на мой взгляд, и проявляется разница между историографией научных идеалов и исторической аретологией: первая ищет возможности вытащить «сердечное смирение» из программного текста или агиографии, вторая работает с тем, что оказывается видимым в конкретной практике. Добродетель, следуя (нео)аристотелианской традиции, всегда работает на двух уровнях, внутреннем и внешнем: она определяет самость агента и является устойчивой чертой характера, но всегда проявляется вовне, оказывается видимой в поступках. Цель учения о добродетели, как замечает Аристотель, — «не знание, а поступки» (*EN* I.1095a): можно блестяще изучить гитарные партии, не выходя из своей комнаты, но виртуозным гитаристом нас делает не знание и не только совершенное исполнение, но и публичная демонстрация этого умения, а также признание мастерства слушателями.

Эта практичность исторической аретологии отчетливо проявляется в следующей, четвертой главе, в которой Пол обращается к еще одной важной для исторической аретологии практике — исследовательскому семи-

¹⁰ См., например: [Pleshkov, Surman 2021] и статьи, опубликованные в той же рубрике соответствующего журнала, а также [Ten Hagen 2022].

¹¹ «Дальний» здесь предполагает дистанцию от представлений о научных добродетелях самого исследуемого автора. Эта дистанция обретается благодаря взгляду другого, рецензента, на «дело» исследуемого автора и необходимые для реализации этого «дела» качества. Пол анализирует совсем небольшой корпус рецензий, и в этом смысле «дальность» его подхода несоизмерима с «дальним чтением» (*distant reading*) Франко Моретти [2016]. Однако перспективы цифровых гуманитарных наук для исторической аретологии представляются многообещающими.

нару¹². Он сосредотачивается на обсуждении домашних семинаров Георга Вайца — ученика Леопольда фон Ранке и одного из крупных академических историков своего времени. Реконструировать эту практику Полу помогают воспоминания участников семинара, письма самого Вайца, обрисовывающие его видение ценностного горизонта исторической науки, исследования по немецкой интеллектуальной культуре XIX в. Это хорошо иллюстрирует, как историческая аретология выходит за границы текста и жанра с целью «получения доступа» к практике.

Унаследованные от своего учителя Ранке и эксплицитно прославляемые Вайцем ценности «критичности, точности, проницательности» обращались в добродетели на еженедельных «упражнениях» (Übungen) — неформальных семинарах, попасть на которые можно было только по личному приглашению учителя, где студенты вместе читали источники и представляли свои собственные исследования. Здесь под присмотром и по примеру Вайца (р. 35)¹³ культивировались точность, остроумность, аккуратность, внимательность, выдержка, строгость — добродетели, во многом определившие профессионализацию и институционализацию исторической науки в Германии. Несмотря на то что эта констелляция добродетелей критиковалась за «однобокость» — она не способствовала ни обращению историков к широкой публике, ни развитию изобретательности или патриотизма, — она стала необходимой для входа в профессию (р. 34). Трансформация «камерной» практики Übungen в регулярный исследовательский семинар, пусть и с неизбежными потерями при масштабировании, обеспечила повсеместное, вместе с ростом популярности исследовательской модели университета, распространение указанных добродетелей в гуманитарных науках.

«Теоретическая гибкость» Пола затемняет тот факт, что усиление институциональной оптики идет на пользу исторической аретологии. Каспер Рисбьерг Эскильдсе, на работу которого в этой главе Пол опирается, имплицитно противопоставляет институционализированную практику семинара и специфический этос преподавания, т. е. устойчивые структуры организации знания — добродетелям [Eskildsen 2021: 40]. Но этого противоречия как раз нет: добродетель культивируется в практиках, а потому институциональное закрепление лучших практик способствует и закреплению определенных констелляций добродетелей. Анализ устойчивых исследовательских практик в горизонте общего институциональ-

¹² Еще в статье 1999 г. Лорейн Дастон обратила внимание на ключевую роль исследовательского семинара в формировании научных добродетелей, характерных для этоса немецкой академии XIX в. [Дастон 2015]. См. также: [Eskildsen 2021].

¹³ В этом контексте Пол упоминает об экземплиаристской теории добродетели Линды Загзевски [Zagzebski 2017]. Эта теория предполагает, что добродетели закрепляются через подражание, повторение за образцом, который опознается как таковой через эмоцию восхищения. Линда Загзевски — классик философской эпистемологии добродетелей, и это редкий случай, когда эпистемолог добродетелей вызывает осмысленный интерес к работе по исторической аретологии. Тем не менее именно эта книга Загзевски посвящена общей теории морали, а не эпистемологии.

ного дизайна науки, таким образом, оказывается центральным элементом историко-аретологического исследования.

Еще один сюжет, интересующий Пола в этой главе, — феномен исключения (или дискриминации) внутри исторической науки XIX в. Так, он замечает, что множество немецких ученых этого периода рассматривали добродетель не столько как приобретаемую внутри практики устойчивую черту характера, сколько как производное от *Anlage* (склонность, предрасположенность) или *Begabung* (талант, способность) (р. 37). Такая «натурализация» добродетели объясняет исключение из исторической науки определенных групп: женщин, потому что они «по природе» неусидчивы; католиков, потому что они «естественным образом» подчиняются папе римскому; чернокожим, потому что они «по своей сути» второсортные граждане. Например, исключение женщин из академии легитимировалось распространенным предрассудком об их неспособности культивировать в себе «мужские» добродетели критики, точности и проницательности. Но если добродетель — это именно вторая натура, как замечает Пол еще во введении (р. 3), то культивируемые в практике качества, позволяющие достигать цели этой практики, не бывают «мужскими» или «женскими».

Это еще один важный пример зазора между ценностями и добродетелями: сексизм, расизм или религиозная нетерпимость как ценностные установки вовсе не мешают историкам XIX в. культивировать исследовательские добродетели точности, аккуратности и внимательности. Но это также и убедительный контраргумент против тезиса о единстве добродетелей, согласно которому обладание одной добродетелью предполагает обладание и другими [Cooper 1998]. Научные добродетели, культивируемые в научных практиках, вполне могут уживаться с устойчивыми чертами характера, закрепляемыми в других практиках, бытовых. У Лорейн Дагстон можно найти показательный пример такого «сожительства добродетелей». Великий немецкий физик Герман Людвиг Фердинанд Гельмгольц (1821–1894), воспитанный все той же системой научных семинаров немецкого университета, так описывает свое решение вновь жениться после смерти первой супруги: «Надо признаться, я с трудом мог представить себя, вдовца с двумя детьми и уже немолодого, в роли жениха намного более молодой дамы. Но зимой стало ясно, что моя теща, несмотря на свою энергию и выносливость, не сможет долго заботиться о хозяйстве и детях <...> Свадьба состоится на Троицу» (цит. по: [Дагстон 2015: 122]). Связанные с сексизмом устойчивые черты характера вырабатываются в практиках ухода за детьми или работы по дому, но не являются производными от «эксклюзивности» научного семинара. Неудивительно, что как только женщины допускаются на семинары или чернокожие — в лекционные залы, довольно быстро становится ясно, что ничто не мешает им культивировать традиционно «мужские» или «белые» исследовательские добродетели. Конкретная практика и общий институциональный дизайн как «среда» добродетели позволяют в дальнейшем изменять и уточнять

ценностные установки. Уже в середине XX в., как замечает Пол, «педагогические теоретики начали переопределять добродетели «из наследственных, эволюционно обусловленных склонностей» в «культивируемые научные привычки», приобретаемые учащимися в школе» (р. 43).

Последняя, пятая глава книги — «Что случилось с добродетелью? Премственность и разрыв» — посвящена научным добродетелям историков в XX и XXI вв. Эта глава, на мой взгляд, представляет наибольший интерес для понимания всего проекта исторической аретологии науки. Пол обращается к учебникам и введениям по методам исторического исследования, к кодексам корпоративной этики исторических ассоциаций и вновь — к книжным рецензиям. Несмотря на выраженную конкретику этого материала, его чтение оказывается наиболее «дальним»: здесь Пола интересуют не добродетели или ценностные ориентиры конкретных великих историков, но те устойчивые черты характера, которые вырабатываются внутри институциональной организации современной исторической науки. Эти черты характера могут получать разные названия: «ментальная привычка», «склад ума», «научный темперамент», но историко-понятийный подход как раз помогает прийти к общему знаменателю «добродетели». Пол на основе анализа контактных зон выявляет, как в течение XX в. констелляция «добродетелей ограничения» (характерные для XIX в. объективность, сдержанность, точность и т. д.) замещается констелляцией «добродетелей прозрачности» (самоосознанность, честность, открытость, дружелюбие и т. д.).

Это изменение, что интересно, во многом обусловлено недостаточной практичностью или сложностью реализации «добродетелей ограничения». Историки подвержены воздействию предрассудков и эмоций так же, как и другие люди; хороший исследователь осознает их и открыто предупреждает о них коллег и читателей. «Беспристрастность — это мечта, а честность — долг. Мы не можем быть беспристрастны, но мы можем быть интеллектуально честными», — пишут Жак Барзен и Генри Графф в своем пережившем шесть изданий введении в историческую профессию (р. 47). Эта цитата, появившаяся в издании 1977 г., не выражает частное мнение влиятельных историков Барзена и Графа, но подытоживает работу Пола с большим корпусом текстов, от «Исторического исследования» (1911) Джона Мартина Винсента до «Принстонского руководства по историческому исследованию» (2021) Закари М. Шрага. Этот же вывод подтверждает и анализ кодексов корпоративной этики Американской исторической ассоциации (American Historical Association)¹⁴: «Вместо того чтобы сокрушаться о том, что историки — это люди с убеждениями и эмоциями, кодекс был призван создать академическую среду, в которой могло бы процветать разнообразие как в интеллектуальном, так и в социальном плане <...>. Новые добродетели (такие как честность и товарищество) вытесняли старые (такие как скромность и лояльность)» (р. 49). Хотя Пол не обращает на это специального внимания, здесь он работает не просто

¹⁴ Пол анализирует несколько редакций этого кодекса 1970–1990-х годов.

с текстами, а с практикой строительства сообщества, столь важной в контексте культивирования желаемых научных добродетелей, конstellации добродетелей.

Работа Пола с понятием *конstellация добродетелей* представляется важной и эвристически продуктивной, наряду с его тематизацией контактных зон. Уже у Аристотеля мы видим затруднения с подбором слов для выражения конкретных добродетелей¹⁵, но, как отмечает Марта Нуссбаум, внимательный анализ практик, в которых культивируются даже «безымянные» добродетели, дает нам возможность безошибочно понять, о чем идет речь [Nussbaum 1993]. Добродетель — это то, что позволяет чувствовать себя и действовать хорошо в рамках определенной практики. Назовем ли мы добродетель, стоящую за критикой источников, внимательностью или аккуратностью, не так важно — до тех пор, пока мы держим в уме референтную практику. Понятие конstellации добродетелей как раз позволяет работать с комплексом устойчивых и рефлекслируемых черт характера исследователей, даже если отдельные добродетели получают разные имена: «...наилучшим образом добродетели исследуются не изолированно друг от друга, но как часть более широкой “конstellации добродетелей”, которой привержены историки», — справедливо замечает Пол (р. 7, см. также: 15–16, 22–23).

Еще одна важная черта конstellаций — их специфическая темпоральность. Изменения конstellаций добродетелей — это процесс, который необязательно предполагает полного замещения одних добродетелей другими. Например, внимание к самоосознанности, открытости и честности, определяющим добродетелям историка XXI в., не отменяет важности точности, внимательности или трудолюбия, почитаемым уже в античности: наследие прошлого необязательно теряет актуальность в настоящем. Астрономическая метафора конstellации представляется весьма удачной¹⁶: в некоторый момент мы видим определенные звезды и созвездия ярче, чем другие, и стремимся как можно лучше разобраться в их взаимном расположении. Другие звезды и созвездия, пусть и с трудом различимые, все равно остаются на небосводе. Задача исследователя, соответственно, состоит не в том, чтобы определить одну ключевую добродетель или описать жесткую иерархию добродетелей, но, скорее, внимательно анализировать взаимное расположение добродетелей, постепенное высвечивание одних конфигураций и затухание других.

Итак, вероятно, и Плутарх, и Гиббон, и Пол согласились бы, что внимательность, трудолюбие, точность являются важными добродетелями историков. Тем не менее эти добродетели будут иметь разные окружения и занимать разное место в конфигурации добродетелей. Конstellация

¹⁵ Так, обсуждая добродетели, связанные с правдивостью и получением удовольствий, Аристотель замечает: «Впрочем, и тут по большей части нет названий. Мы же попытаемся все-таки так же, как и раньше, тут тоже создать имена ради ясности изложения и простоты усвоения» (*EN* II.1108a).

¹⁶ Ср. с метафорой лавины для описания «многослойности» режимов добродетели в [Дастон, Галисон 2018: 99].

«агональных» добродетелей требует выраженной авторской субъектности, остроты, политической лояльности и подчиненной именно этой лояльности критичности. В этом смысле ей близка и констелляция «лоялистских» добродетелей, где безусловная политическая верность притягивает к себе избирательность, критичность, хотя видит в авторской субъектности скорее порок. Констелляция добродетелей «смирения» намного больше ценит добродетели точности и исследовательской скромности, предпочитает интеллектуальную щедрость язвительности, а терпение — запальчивости. Констелляция добродетелей «объективности» (или «ограничения») складывается вокруг добродетелей критичности, точности, пронизательности, но также — терпения, постоянного самоконтроля и попытки исключения собственной субъектности. Наконец, констелляция добродетелей «транспарентности» организуется вокруг самоосознанности, открытости, честности. Вероятно, такая реконструкция отвечает одной из задач проекта Пола, согласно которой историческая аретология, вписываясь в общий для гуманитарных наук конца XX в. практический поворот, дает возможность составить портрет историка, погруженного в практику, а не идеализированного в текстах (р. 4–5). Это, тем не менее, не единственная и, на мой взгляд, не главная задача проекта исторической аретологии науки.

Исследование научных добродетелей, как было показано выше, постоянно оказывается под угрозой поглощения историей понятий и историографией научных идеалов. В основе этой угрозы — попытка говорить о добродетелях изолированно, игнорируя конкретику практик, институциональный дизайн науки и пространств знания. Плутарх и Вайц, например, — это историки, потому что оба писали истории¹⁷, а значит, возможно и сравнение «агональных» и «объективных» констелляций добродетели. Но как только мы обращаем внимание на конкретику практик двух этих авторов, мы понимаем, что такое сравнение близко к тропу: разные жанры, в которых пишут историки, разные практики, в которых культивируются возделенные добродетели, разный дизайн пространства знания (античной школы или немецкого исследовательского университета) — все это ограничивает подход исторической аретологии. Этот подход — институциональный, и наилучшим образом он работает с теми периодами, где может опереться на устойчивую институциональную почву. Не случайно наиболее убедительные работы по изучению научных добродетелей сосредоточены на XVIII–XX вв. Подобное ограничение не вредит проекту, но лишь укрепляет его научную зрелость: теоретико-методологическая программа, претендующая на беспроblemное применение к античному, древнекитайскому, средневековому, новоевропейскому и современному материалу, вызывает намного больше подозрений, чем ограниченная в своем применении прозрачным принципом (в данном случае — устойчивыми или институционализированными практиками). Попытка преодоления европоцентризма и расширение временного гори-

¹⁷ О многозначности понятия *история* и проблематичности определения предмета истории см., например: [Савельева, Полетаев 1997].

зонта исследования говорят, вероятно, об амбициозности и трендовости Пола — и это важные добродетели для современной науки. Но эти добродетели, на мой взгляд, вступают в противоречие с теоретической скромностью и точностью, необходимыми для развития исследовательской области.

Последнее замечание, безусловно, не отменяет важности книги, приглашающей к размышлению и предлагающей обширный материал для дальнейшей работы, что свидетельствует об интеллектуальной щедрости и харизматичности автора. Изучение добродетелей историков и научной самости не только имеет антикварно-исторический смысл, но и ориентирует нас в вопросах собственной профессиональной идентичности (р. 5). В самом конце своей книги Пол отмечает: «Историческое исследование требует больше, чем методы, умения и способности: оно также требует определенных черт характера, исторически обозначаемых как добродетели» (р. 54). И сегодня как никогда важно помнить о том, что дела историков — это больше, чем их тексты.

Источники

Аристотель 1983 — *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4: Этические сочинения. М.: Мысль, 1983.

Справочники

Гайденок и др. 2018 — *Античная философия: Энцикл. словарь* / [Ред. кол.: П. П. Гайденок (председатель), М. А. Солопова (отв. ред.) и др.]. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Turri et al. 2021 — *Turri J., Alfano M., Greco J. Virtue epistemology* // *The Stanford encyclopedia of philosophy* / Ed. by E. N. Zalta. [Winter 2021 Ed.]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/epistemology-virtue>.

Литература

Бедкер 2010 — *Бедкер Х.* Размышления о методе истории понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор* / Под ред. Х. Бедкера; Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2010. С. 34–66.

Дастон, Галисон, 2018 — *Дастон Л. Галисон П.* Объективность / Пер. с англ. Т. Вархотов и др. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.

Дастон, 2015 — *Дастон Л.* Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания / [Пер. с англ. А. Плешкова] // *Науки о человеке: история дисциплин* / Сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. С. 105–123.

Касавин 2019 — *Касавин И. Т.* Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // *Эпистемология и философия науки*. Т. 56. № 3. 2019. С. 6–19. <https://doi.org/10.5840/eps201956341>.

Лурье 1947 — *Лурье С. Я.* Геродот. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947.

Матвеев 2020 — *Матвеев С. Р.* «Ученый-большевик призван оценивать объективно»: рецензии в советской исторической периодике 1930–1950-х годов // *Научное рецензирование в гуманитарных дисциплинах: Жанр, исследования, тексты* / Сост.

- и отв. ред. Н. М. Долгорукова, А. А. Плешков. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. С. 113–124.
- Моретти, 2016 — *Моретти Ф.* Дальнее чтение / Пер. с англ. А. Вдовина и др. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.
- Савельева, Полетаев 1997 — *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время: в поисках утраченного. М.: Языки рус. культуры, 1997.
- Скиннер 2018 — *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей / Пер. с англ. Т. Пирусской // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атанашев, М. Велижев. Москва: Нов. лит. обозрение, 2018. С. 53–122.
- Armitage 2012 — *Armitage D.* What's the big idea? Intellectual history and the *longue durée* // History of European Ideas. Vol. 38. No. 4. 2012. P. 493–507. <https://doi.org/10.1080/01916599.2012.714635>.
- Austin 1962 — *Austin J.* How to do things with words. Oxford: Clarendon Press, 1962.
- Bakker 2002 — *Bakker E. J.* Khrónos, Kléos, and ideology from Herodotus to Homer // EPEA PTEROENTA: Beiträge zur Homerforschung: Festschrift für Wolfgang Kullmann zum 75. Geburtstag / Hrsg. von M. Reichel, A. Rengakos. Stuttgart: Steiner, 2002. S. 11–30.
- Cooper, 1998 — *Cooper J. M.* The unity of virtue // Social Philosophy and Policy. Vol. 15. No. 1. 1998. P. 233–274. <https://doi.org/10.1017/S0265052500003149>.
- Daston, Sibum 2003 — *Daston L., Sibum O. H.* Scientific personae and their histories // Science in Context. Vol. 16. No. 1–2. 2003. P. 1–8. <https://doi.org/10.1017/S026988970300067X>.
- Eskildsen 2021 — *Eskildsen K. R.* Virtues of history: exercises, seminars, and the emergence of the German historical discipline, 1830–1900 // A global history of research education: Disciplines, institutions, and nations. 1840–1950 / Ed. by K. Chang, A. Roche. Oxford: Oxford Univ. Press, 2021. (History of Universities; Vol. 34; no. 1). P. 27–40. <https://doi.org/10.1093/oso/9780192844774.003.0003>.
- Hershbell 1993 — *Hershbell J. P.* Plutarch and Herodotus — The beetle in the rose // Rheinisches Museum für Philologie. Bd. 136. Heft. 2. 1993. S. 143–163.
- Koselleck 1989 — *Koselleck R.* Social history and conceptual history // International Journal of Politics, Culture, and Society. Vol. 2. No. 3. 1989. P. 308–325. <https://doi.org/10.1007/BF01384827>.
- Meeus 2020 — *Meeus A.* Truth, method and the historian's character: The epistemic virtues of Greek and Roman historians // Reconciling ancient and modern philosophies of history / Ed. by A. Turner. Berlin: Walter de Gruyter, 2020. P. 83–122. <https://doi.org/10.1515/9783110627305-005>.
- Momigliano 1966 — *Momigliano A.* Time in ancient historiography // History and Theory. Vol. 6. Beiheft 6. 1966. P. 1–23. <https://doi.org/10.2307/2504249>.
- Ng, Wang 2005 — *Ng O.-Ch., Wang E. Q.* Mirroring the past: The writing and use of history in imperial China. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 2005.
- Nussbaum 1993 — *Nussbaum M.* Non-relative virtues: An Aristotelian approach // The quality of life / Ed. by M. Nussbaum, A. Sen. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 242–269. <https://doi.org/10.1093/0198287976.003.0020>.
- Paul 2014 — *Paul H.* What is a scholarly persona? Ten theses on virtues, skills, and desires // History and Theory. Vol. 53. No. 3. 2014. P. 348–371. <https://doi.org/10.1111/hith.10717>.
- Pleshkov, Surman 2021 — *Pleshkov A., Surman J.* Book reviews in the history of knowledge // Studia Historiae Scientiarum. Vol. 20. 2021. P. 629–650. <https://doi.org/10.4467/2543702XSHS.21.018.14049>.

- Ten Hagen 2022 — *Ten Hagen S.* Evaluating knowledge, evaluating character: Book reviewing by American historians and physicists (1900–1940) // *History of Humanities*. Vol. 7. No. 2. 2022. P. 251–277. <https://doi.org/10.1086/721313>.
- Todorov 1976 — *Todorov Ts.* The origin of genres // *New Literary History*. Vol. 8. No. 1. 1976. P. 159–170. <https://doi.org/10.2307/468619>.
- Verburgt 2023 — *Verburgt L. M.* Introduction to the symposium “What makes a philosopher (good or bad)? Philosophical virtues and vices: Past and present” // *Metaphilosophy*. Vol. 54. No. 2–3. 2023. P. 187–194. <https://doi.org/10.1111/meta.12617>.
- Zagzebski 2017 — *Zagzebski L. T.* Exemplarist moral theory. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.

References

- Armitage, D. (2012). What’s the big idea? Intellectual history and the *longue durée*. *History of European Ideas*, 38(4), 493–507. <https://doi.org/10.1080/01916599.2012.714635>.
- Austin, J. (1962). *How to do things with words*. Clarendon Press.
- Bakker, E. J. (2002). Khrónos, Kléos, and ideology from Herodotus to Homer. In M. Reichel, & A. Rengakos (Eds.). *EPEA PTEROENTA: Beiträge zur Homerforschung: Festschrift für Wolfgang Kullmann zum 75. Geburtstag* (pp. 11–30). Steiner.
- Bödeker, H. (2002). Reflexionen über Begriffsgeschichte als Methode. In H. Bödeker (Ed.) *Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte* (pp. 73–123). Wallstein Verlag.
- Cooper, J. M. (1998). The unity of virtue. *Social Philosophy and Policy*, 15(1), 233–274. <https://doi.org/10.1017/S0265052500003149>.
- Daston, L. (1999). Academies and the unity of the sciences: Disciplining the disciplines. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies*, 10(2), 67–86.
- Daston, L., Galison, P. (2007). *Objectivity*. Zone Books.
- Daston, L., & Sibum, O. H. (2003). Scientific personae and their histories. *Science in Context*, 16(1–2), 1–8. <https://doi.org/10.1017/S026988970300067X>.
- Eskildsen, K. R. (2021). Virtues of history: Exercises, seminars, and the emergence of the German historical discipline, 1830–1900. In K. Chang, & A. Rocke (Eds.). *A global history of research education: Disciplines, institutions, and nations. 1840–1950* (pp. 27–40). Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780192844774.003.0003>.
- Hershbelt, J. P. (1993). Plutarch and Herodotus — The beetle in the rose. *Rheinisches Museum für Philologie*, 136(2), 143–163.
- Kasavin, I. T. (2019). Epistemologiya dobrodeteli: k sorokaletiiu povorota v analiticheskoi filosofii [Virtue epistemology: on the 40th anniversary of the turn in analytical philosophy]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 56(3), 6–19. (In Russian). <https://doi.org/10.5840/eps201956341>.
- Koselleck, R. (1989). Social history and conceptual history. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 2(3), 308–325. <https://doi.org/10.1007/BF01384827>.
- Lur’e, S. Ia. (1947). *Gerodot* [Herodotus]. Izdatel’stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian).
- Matveev, S. R. (2020). “Uchenyi-bol’shevik prizvan otsenivat’ ob’ektivno”: retsenzii v sovetskoi istoricheskoi periodike 1930–1950-kh godov [“A Bolshevik scholar ought to make objective evaluations”: Reviews in Soviet historical periodicals in the 1930s–1950s]. In N. M. Dolgorukova, & A. A. Pleshkov (Eds.). *Nauchnoe retsenzirovanie v gumanitarnykh distsiplinakh: Zhanr, issledovaniia, teksty* (pp. 113–124). Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Meeus, A. (2020). Truth, method and the historian’s character: The epistemic virtues of Greek and Roman Historians. In A. Turner (Ed.). *Reconciling ancient and modern philosophies of history* (pp. 83–122). Walter de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110627305-005>.

- Momigliano, A. (1966). Time in ancient historiography. *History and Theory*, 6(Beiheft 6), 1–23. <https://doi.org/10.2307/2504249>.
- Moretti, F. (2013). *Distant reading*. Verso.
- Ng, O.-Ch., & Wang, E. Q. (2005). *Mirroring the past: The writing and use of history in imperial China*. Univ. of Hawai'i Press.
- Nussbaum, M. (1993). Non-relative virtues: An Aristotelian approach. In M. Nussbaum, & A. Sen (Eds.). *The quality of life* (pp. 242–269). Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/0198287976.003.0020>.
- Paul, H. (2014). What is a scholarly persona? Ten theses on virtues, skills, and desires. *History and Theory*, 53(3), 348–371. <https://doi.org/10.1111/hith.10717>.
- Pleshkov, A., & Surman, J. (2021). Book reviews in the history of knowledge. *Studia Historiae Scientiarum*, 20, 629–650. <https://doi.org/10.4467/2543702XSHS.21.018.14049>.
- Savel'eva, I. M., & Poletaev, A. V. *Istoriia i vremia: v poiskakh utrachennogo* [History and time: In search of the lost]. Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).
- Skinner, Q. (1969). Meaning and understanding in the history of ideas. *History and Theory*, 8(1), 3–53.
- Ten Hagen, S. (2022). Evaluating knowledge, evaluating character: Book reviewing by American historians and physicists (1900–1940). *History of Humanities*, 7(2), 251–277. <https://doi.org/10.1086/721313>.
- Todorov, Ts. (1976). The origin of genres. *New Literary History*, 8(1), 159–170. <https://doi.org/10.2307/468619>.
- Verburgt, L. M. (2023). Introduction to the symposium “What makes a philosopher (good or bad)? Philosophical virtues and vices: Past and present”. *Metaphilosophy*, 54(2–3), 187–194. <https://doi.org/10.1111/meta.12617>.
- Zagzebski, L. T. (2017). *Exemplarist moral theory*. Oxford Univ. Press.

Информация об авторе

Алексей Александрович Плешков
кандидат философских наук
научный сотрудник, Центр
философских исследований
(PHI), постдокторант фонда
«Солидарность», Брюссельский
свободный университет (Université
libre de Bruxelles)
Belgium, 1050, Brussels, Avenue
Franklin Roosevelt, 50
✉ aleksei.pleshkov@ulb.be
✉ sheginoid@gmail.com

Information about the author

Aleksei Aleksandrovich Pleshkov
Cand. Sci. (Philosophy)
Research Fellow, Philosophy Research
Center (PHI), Solidarity Fund
Postdoctoral Fellow, Free University
of Brussels (ULB)
Belgium, 1050, Brussels, Avenue
Franklin Roosevelt, 50
✉ aleksei.pleshkov@ulb.be
✉ sheginoid@gmail.com